

УДК 392.3(470.621)

ББК 63.5

Г-93

Губжюкова Нуриет Карпушевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», e-mail: gubzhokova.nuriet2015@yandex.ru

**ИНСТИТУТ АТАЛЫЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ АДЫГОВ
(рецензирована)**

Локальным вариантом этнической социализации, имевшим ярко выраженный элитарный оттенок, в традиционном адыгском обществе являлся институт аталычества. В отличие от общенародной адыгской педагогики, воспитательная составляющая аталычества была ориентирована на формирование прежде всего военных и управленческих функций. Несмотря на прекращение бытования института аталычества, его воспитательный и познавательный потенциал может быть небезуспешно использован в рамках современной педагогической системы.

Ключевые слова: этническая социализация, народная педагогика, социальные институты, искусственное родство, аталычество, адыги.

Gubzhokova Nuriet Karpushevna, Candidate of Philology, an associate professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of FSBEI HE 'Maikop State Technological University', e-mail: gubzhokova.nuriet2015@yandex.ru

**THE ATALYK INSTITUTION IN THE SYSTEM
OF ETHNIC SOCIALIZATION OF THE ADYGHs
(reviewed)**

In a traditional Adygh society the Atalyk institution was a local version of ethnic socialization with a pronounced elitist line. Unlike the nationwide Adygh Pedagogy, an educational component of the Atalyk institution was oriented toward the formation of military and administrative functions. Despite the termination of the existence of the Atalyk institution, its educational and cognitive potential can be successfully used within the framework of the modern pedagogical system.

Key words: ethnic socialization, Folk Pedagogy, social institutes, artificial kinship, the Atalyks, the Adyghs.

Традиционная культура каждого народа столетиями отбирала и накапливала наиболее эффективные стратегии этнической социализации, способствующие успешной адаптации подрастающего поколения. Конечной целью этнической социализации является формирование индивида, полностью разделяющего ценности (моральные, этикетные, юридические) окружающего этносоциального коллектива.

Зачастую формы и методы этнической социализации у одного и того же народа могут значительно варьироваться в зависимости от социальной ниши, в которой они функционируют. Примером может служить институт аталычества, имевший у адыгов отчетливую социальную окраску и бытовавший исключительно в среде аристократии [1,

с. 128-130], в отличие от простонародной среды, где важнейшим институтом формирования личности по-прежнему оставалась родная семья ребенка.

Будучи формой искусственного родства, аталычество играло активную роль в заключении и упрочении сюзеренно-вассальных связей внутри правящего класса Черкесии, а также способствовало установлению социальных контактов между адыгской аристократией и привилегированными сословиями других народов Кавказа, а также между адыгской знатью и крымскими ханами [2, с. 387-397].

Источники свидетельствуют, что на воспитание брали детей обоего пола, хотя мальчиков – гораздо охотнее, предвидя вытекающие из самой сущности аталычества политические дивиденды. В настоящей статье мы также уделим повышенное внимание именно этой гендерной разновидности аталычества.

В силу ярко выраженной экзотичности для внешнего наблюдателя, аталычество многократно упоминалось в источниках периода адыгского феодализма. При этом, фиксируя политическую подоплеку этого общественного института, авторы этнографических описаний Черкесии не упускали из виду и вторую ипостась аталычества – педагогическую. Семья приемного отца (аталыка) взятого на воспитание ребенка брала на себя и полную ответственность за его успешную этническую социализацию. Высокий социальный статус воспитуемого предопределял набор идеальных ценностей, которые он постепенно воспринимал в процессе аталычества. Юноша – выпускник элитарного «народного университета» непременно должен был являться храбрым воином, знатоком этикета и обычного права, щедрым и гостеприимным хозяином, блестящим оратором, располагать навыками политической деятельности [3, с. 389-390]. Девочкам – воспитанницам прививались качества, достойные будущей жены, матери, хозяйки знатного дома. Молодые аристократы должны были соответствовать ожиданиям окружающих (прежде всего – подвластного населения).

Примечательной особенностью воспитательного процесса, реализуемого в ходе аталычества, являлся его индивидуальный характер, что, кстати, находило обоснование и в нормах обычного права, запрещающих аталыку иметь одновременно несколько воспитанников [4, с. 237].

Важнейшей задачей аталыка являлось формирование широкого кругозора и постепенное накопление жизненного опыта воспитанником, который вместе с приемным отцом присутствовал на общественных мероприятиях (заседаниях законодательных и судебных органов власти разного уровня), при отправлении ритуалов жизненного цикла в семьях аристократии (свадьбы, похороны и прочие ритуалы перехода), при совершении календарной и хозяйственной обрядности. Расширению знаний о внешнем мире, о социальном и субэтническом устройстве Страны адыгов способствовали и постоянные путешествия, совершавшиеся им вместе с аталыком в разные концы Черкесии – к родственникам и друзьям как кровной, так и приемной семей воспитанника. Особое значение для воспитанника имело четкое и детальное уяснение им места его родной семьи и фамилии в целом, а также родственников по крови, браку и аталыческим связям, в сословной иерархии феодальной Черкесии [5, с. 70].

Колоссальное значение для успешной социализации подростков имел институт гостевого дома (хьакIэщ или кунацкой), являвшийся своеобразным «мужским клубом, высокостатусной коммуникативной площадкой, способствующей поддержанию норм

морально-правового кодекса адыгэ хабзэ, трансмиссии важнейших социокультурных навыков и компетенций» [6, с. 26].

Сакральный статус происходящих здесь ритуалов (прием гостей, отправление в путь военного отряда или свадебного поезда, лечение больного, оплакивание умершего; здесь принимались значимые для фамилии, а то и для всей общины решения) [6, с. 27-28] придавал им особое значение и прочно закреплял их в сознании воспитанников. Большое значение в межпоколенной трансмиссии культуры имели устно-речевые практики – как в виде приветствий, тостов, так и хачешевого фольклора (песен, преданий педагогического характера, повествующих об идеальных нормах поведения). Именно в кунацкой происходило приобщение воспитанников к ценностям адыгского этикета, который складывался из множества обязательных составляющих. На примере обычая приема почетных гостей это хорошо показал знаток традиционного быта адыгов прозаик Т.М. Керашев: «Двенадцатилетним малышом я уже умел по всем правилам принимать гостей: поспешно и радушно встречать их у ворот, произносить приличное случаю приветствие, придерживать стремя и узду коня, когда гость спускался на землю, быстро и расторопно отвести коней к коновязи и успеть принять у гостей в кунацкой их плети, верхнюю одежду, притом безошибочно угадывать старшего из гостей и оказывать ему внимание в первую очередь. Я знал, как развесить одежду и сбрую гостей по колышкам, вбитым в стены кунацкой. Это тоже полагалось делать по старшинству. Выполнив все, что требовалось, я умел торжественно, полный собственного достоинства и почтения к другим, отступить к двери и застыть в безмолвной готовности к дальнейшим услугам» [7, с. 485]. Герой произведения, которого воспитывал дядя по отцу, фактически оторвав его от родителей (что можно считать частным случаем атальчества), знал, что соблюдение кодекса чести и свода норм поведения адыгэ хабзэ – нелегкий труд, требовавший от человека постоянных усилий в самосовершенствовании, сопряженных с различными ограничениями [8, с. 77; 9, с. 181-182].

Однако только в борьбе с собственными слабостями можно было добиться результата и продвинуться на пути успешной социализации. Обратимся опять к рассказу Т.М. Керашева: «С самого детства я был стеснен всякими правилами и условностями. Чуть ли не с пеленок я знал, что скакать по улице в ауле неприлично, надо ехать шагом. Если ко мне обратится кто-нибудь из старших, боже упаси разговаривать, сидя верхом на коне; надо сперва спешиться, подойти, держа коня в поводу, и тогда уже почтительно отвечать на вопрос. Мальчишкой я уже не раз испытывал чувство удовлетворенного тщеславия, когда восхищенные моей вымуштрованностью люди провожали меня одобрительными и удивленными взглядами» [7, с. 485].

Особое значение в народной педагогике адыгов имела воинская составляющая. Система воспитания духовно и физически готовила будущих мужчин к повседневному военному быту [10, с. 360]. Особенно ярко это проявлялось в аристократической среде, представители которой являлись профессиональными военными и должны были следовать ценностям военно-рыцарского образа жизни [10, с. 353].

Специфическим институтом формирования воинских и прочих элитарных навыков являлись полевые лагеря, куда переселялась вся адыгская знать на весенний и осенний сезоны, называемые Хан-Гиреем «наездническими». Немаловажно, что эти «станы наездников» являлись важнейшим способом межпоколенной трансляции воинской

культуры, чем активно пользовались и аталыки, привозившие сюда своих питомцев. «Для дворянской молодежи период пребывания в лагере являлся временем приобщения к элитарной культуре – освоения дворянского этикета, ораторского искусства, наезднического фольклора. Иная, военная составляющая этой культуры открывалась им с момента первых походов и сводилась к совершенствованию владения оружием и отработке тактических приемов наездничества ... Немаловажным было и усвоение ими рыцарского кодекса чести, строго регламентировавшего поведение наездников во время похода» [3, с. 393].

Примечательно, что одной из любимейших «забав» черкесов в этих лагерях были своеобразные «ролевые игры» (говоря современным языком), по условиям которых их участникам приходилось выступать в роли как обвинителей, так и ответчиков по меняющимся условиям игры, в ходе которых одни «защищаются силою красноречия», а другие «не щадят могучих выражений для побеждения своих противников». «Таким образом, - пишет Хан-Гирей, – открывается здесь поле, где старшины, князья и дворяне показывают могущество своего красноречия и знание существующих узаконений народных и феодальных прав древних фамилий своей нации. Забава эта или, лучше, упражнение в словесности, служит у черкесов школою, образующую непреклонных их ораторов» [3, с. 239].

Бытописатель феодальной Черкесии Хан-Гирей перечисляет множество народных игр военно-прикладного характера, когда в селениях разыгрывались настоящие сражения с захватом пленных [3, с. 238-240]. По уверениям адыгского этнографа Б.Х. Бгажнокова, военно-спортивные игры были также неотъемлемой частью игрищ (джэгу) [11]. Тем самым адыгская молодежь даже в мирной обстановке имела массу возможностей для демонстрации своей удали и воинских умений. И не только военных! Танцевальные состязания, неотъемлемая часть игрищ, будучи своеобразным рубежом и показателем успешной социализации, являлись способом заявить о себе, снискать славу умелого танцора или танцовщицы, обратить на себя внимание потенциальных брачных партнеров.

Исследователи отмечают, что, несмотря на определенные издержки, институт аталычества в целом успешно выполнял свою миссию – как в социальном, так и в педагогическом отношениях [1, с. 130].

После вхождения адыгов в состав России, аталычество, как и прочие реликты феодальной эпохи «классической» Черкесии, стало достоянием истории.

За прошедшие полтора столетия кардинально изменился мир, в который должен вписываться подросток – ныне он расширился до пределов всего обитаемого человечеством пространства. Трансформировалась и сущность самой этнической социализации, в рамках которой все большее значение занимают не семейные, а социальные институты воспроизводства этничности.

Тем не менее, педагогическое наследие адыгского мира не перестает быть актуальным и в современной ситуации резких социальных перемен. Это касается не только базовых постулатов адыгской этнопедагогики в целом, но и, на чем настаивает ряд исследователей, конкретно педагогического багажа системы аталычества [См. напр.: 12]. Целый комплекс педагогических приемов и наработок воспитательного и познавательного характера, направленных на формирование разносторонней Личности, может быть небезуспешно использован в рамках современной педагогической системы. Основные

положения адыгского аталычества, традиционно ориентированного на индивидуальную работу с воспитуемым, могут найти применение при совершенствовании и кардинальной трансформации современной обезличенной педагогики, построенной на системе группового обучения. Более того, адыгская традиция в полной мере учитывала и гендерный фактор, в силу чего воспитание мальчиков и девочек протекало по принципиально различающимся сценариям. Использование этого подхода в современных реалиях позволит акцентировать внимание детей на полоролевых стереотипах, остановить уже наблюдающуюся (и ставшую едва ли не нормой на Западе) феминизацию мальчиков и маскулинизацию девочек. Воспитательный потенциал института адыгского игрища (лишь частично воспроизводимого в современных национальных праздниках) также далеко не исчерпан.

Подобное обогащение дидактических приемов и технологических способов обучения будет способствовать организации более совершенной педагогики, соответствующей задачам современного общества и адекватно отвечающей на вызовы времени. Более того, адыгская народная педагогика, традиционно ориентированная на воспитание Личности, должна быть востребована именно в настоящий период, для формирования гражданской ответственности учащихся, для воспитания Человека, обладающего активной жизненной позицией.

Литература:

1. История и культура адыгов (с древнейших времен до конца XVII в.): учебное пособие / сост. Р.В. Чунтыжева. Майкоп: Кучеренко В.О., 2017. 161 с.
2. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 440 с.
3. Губжоков М.Н. Культура адыгов // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: в 2-х томах. Т. 1. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. С. 357-450.
4. Султан Хан-Гирей. Записки о Черкесии // Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2009. С. 33-318.
5. Губжоков М.Н. К вопросу о происхождении фольклорных сюжетов в трудах Хан-Гирея // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка: материалы Международной научно-практической конференции памяти М.И. Мижаева (пос. Нижний Архыз, 26-28 ноября 2014 г.) / сост. М.М. Паштова. Майкоп: Паштов З.В., 2015. С. 67-85.
6. Паштова М.М. Черкесский гостиный дом: опыт исследования универсальных и локальных культурно-исторических форм // Вестник института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2014. №4(23). С. 26-41.
7. Керашев Т.М. Урок жизни // Избранные произведения: в 3-х томах. Т. III. Майкоп, 1983. С. 483-492.
8. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов // Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 5-160.
9. Марзей А.С. Черкесское наездничество – «ЗекIуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Москва, 2000. 356 с.
10. Традиционная культура / М.Н. Губжоков [и др.] // Адыгская (черкеская) энциклопедия. Москва, 2006. С. 313-372.

11. Бгажноков Б.Х. Адыгское игрище // Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 161-286.

12. Ашхамахов К.И., Козлов Р.С. Физическое воспитание в системе аталычества: монография. Майкоп: Магарин О.Г., 2016. 320 с.

Literature:

1. *History and culture of the Adyghs (from the ancient times to the end of the XVII century): a textbook / comp. by R.V. Chuntyzheva. Maikop: Kucherenko V.O., 2017. 161 p.*

2. *Kazharov V. Kh. Traditional public institutions of the Kabardians and their crisis in the late XVIII - first half of the XIX century. Nalchik: El-Fa, 1994. 440 p.*

3. *Gubzhokov M.N. Culture of the the Adyghs // The history of Adygea from the ancient times to the beginning of the 20th century: in 2 volumes. V. 1. Maikop: Adygh rep. book publishing house, 2009. P. 357-450.*

4. *Sultan Khan-Girey. Notes on Circassia // Selected Works and Documents. Maikop: Polygraph- Yug, 2009. P. 33-318.*

5. *Gubzhokov M.N. On the origin of folklore subjects in the works of Khan- Girey // Problems of preserving the Circassian folklore, culture and language: materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of M.I. Mizhaev (settlement of Nizhny Arkhyz, November 26-28, 2014) / comp. by M.M. Pashtova. Maikop: Pashtov Z.V., 2015. P. 67-85.*

6. *Pashtova M.M. Cherkessian Guest House: experience of research of universal and local cultural and historical forms // Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Government of the Republic of Kabardino-Balkaria and the Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 4 (23). P. 26-41.*

7. *Kerashev T.M. The lesson of life // Selected works: in 3 volumes. V. III. Maikop, 1983. P. 483-492.*

8. *Bgazhnokov B.Kh. Essays on ethnography of the Adyghs' communication // Ethnography of the Adyghs. Nalchik: Elbrus, 2011. P. 5-160.*

9. *Marzey A.S. Circassian ridership – «ЗекIyэ» (From the history of the military life of the Circassians in the XVIII - first half of the XIX century). Moscow, 2000. 356 p.*

10. *Traditional culture / M.N. Gubzhokov [and others] // The Adygh (Circassian) encyclopedia. Moscow, 2006. P. 313-372.*

11. *Bgazhnokov B.Kh. The Adygh games// Ethnography of the Adyghs. Nalchik: Elbrus, 2011. P. 161-286.*

12. *Ashkhamakhov K.I., Kozlov R.S. Physical education in the Atalyk system: a monograph. Maikop: Magarin O.G., 2016. 320 p.*